

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (4)

I.1. Консервативные критики Запада в царской империи

Михаил Суслов

Консервативные течения в дореволюционной России: критический обзор новых публикаций*

В последние десять – пятнадцать лет исследования по консерватизму стали модной темой, на изучение которой брошены значительные интеллектуальные силы российской исторической науки. В этом нет ничего удивительного: в советские годы сюжеты, связанные с консерватизмом, не поощрялись; в результате этого, в нашей историографии образовались лакуны в научном знании и теоретико-методологический «гандикап» по сравнению с интеллектуальной историей Запада. «Наверстать упущенное» было закономерным лозунгом историков первого постперестроечного этапа в эволюции российской историографии, примерно с 1991 по 2000 годы. Этот период характерен тем, что исследователи разрабатывали «золотую жилу» «забытых» консерваторов и энергично расправлялись с интеллектуальным «наследием коммунизма»¹. Тенденции изменились после 2000 г. Современная политическая элита нуждается в идеологии, которая бы оправдала ее господство. И такая идеология нашлась; в ее разработку были вовлечены многие

* Статья ранее публиковалась в журнале *Ab Imperio* (2008. № 1. С. 253-288). Здесь рецензируются, в частности, книги: А.В. Репников. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: «Готика», МГОУ, 2006. 424 с.; Против течения: портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: ВорГУ, 2005. 417 с.; И.В. Лукоянов. Российские консерваторы (конец XIX – начало XX вв.): пособие к лекционному курсу. СПб.: «Нестор-История», 2003. 79 с.

¹ В эти годы было опубликовано множество сочинений о К. Леонтьеве, Н. Данилевском, М. Меньшикове, «опороченных советской историографией». См., например: А. Корольков. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; А. Аринин, В. Михеев. Самобытная идея Н. Я. Данилевского. М., 1996; П.Шлемин. М.О.Меньшиков. Мысли о России. М., 1997; Д. Ермашов, А. Пролубников, А. Ширинянц. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999 и многие другие.

специалисты по консерватизму². Политическая ангажированность российских исследователей консерватизма уже была предметом специальных научных сочинений³, поэтому в данной работе мы сосредоточимся исключительно на академических проблемах историографии.

В самом деле, двухтысячный год ознаменовал собой не только перемены в российской власти, но и качественный сдвиг в анализе и понимании проблем консерватизма в среде специалистов по этому вопросу⁴. Новая генерация знатоков истории российских идеологий, отягощенных кандидатскими степенями и длинными списками публикаций, образовала особую «школу по изучению консерватизма» со своими теоретическими основами, методологическими стратегиями и собственным пониманием истории России. «Патриархи» и «новаторы», с наскока бравшие тему консерватизма еще в 90-х, нынче созрели для написания обобщающих сочинений⁵. Если прежде преобладала такая форма, как сборник статей⁶, то теперь главным жанром стала научная монография. Более того, в России выкристаллизовались «центры по изучению консерватизма» в Перми, Воронеже, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге и Москве. Множество текстов дореволюционных охранителей было переиздано (и неоднократно, как, например, труды Л.А. Тихомирова⁷) с различной степенью научной добросовестности⁸.

Любопытно подчеркнуть, что в России эта интеллектуальная тенденция набирает обороты в то время, когда на Западе российский консерватизм почти совсем перестал интересовать историков⁹. Вследствие этого разрыв между российскими и западными специалистами продолжает увеличиваться. Российская «академия» как была, так и остается замкнутой и плохо осведомленной о происходящем в

² См., например, «консервативный манифест» коллектива историков и обществоведов: Новая консервативная альтернатива для России и россиян. М., 2001.

³ См. об этом, например, рецензионный форум: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 107-134. Замечательна в этом отношении и публицистическая статья Б. Виттенберг. Консерватизм в России: Прошлое или будущее? (Обзор книг о русском консерватизме) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 344-354.

⁴ Новые историографические тенденции 2000-х годов в сравнении с 90-ми концептуализированы в статье: Post-Post Historiography, or the Trends of the «Naughts» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 4. P. 647-648.

⁵ В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шаццлло, Р.Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000; Ю. Кирьянов. Правые партии в России: 1911-1917 годы. М., 2001; С. Степанов. Черная сотня. М., 2005 и т.д.

⁶ См., например, шесть выпусков *Исследования по консерватизму*, опубликованные в Пермском государственном университете в 1994-2000 гг.

⁷ Так, *Монархическая государственность* была переиздана 4 раза в издательствах Санкт-Петербурга («Комплект» 1992) и Москвы (ГУП «Облиздат» 1998, «Б-ка Серб. Креста» 2004, «Айрис-Пресс» 2006).

⁸ Например, Н. Марков. Войны темных сил: статьи, 1921-1937. М., 2002; А. Щербатов. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002; М. Меньшиков. Национальная империя. М., 2004. К. Леонтьев. Собрание сочинений и писем в 12 томах. М., 2000-2004.

⁹ Между книгами Д. Роусона 1995 г. и Р. Пайпса 2006 г. практически ничего существенного по теме не выходило. D. Rawson. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995; R. Pipes. Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture. New Haven, 2006.

науке за рубежом¹⁰. Даже методологические новшества, проникшие в среду российской «компрадорской» интеллигенции в виде понятий «национализм», «империализм», «национальная идентичность»¹¹ и т. п., либо отсутствуют в интеллектуальном арсенале «школы исследований консерватизма», либо трактуются недостаточно убедительно. Для иллюстрации сошлемся на С.М.Сергеева, который считает национализм одним из свойств консерватизма. Выступая против концепции Б. Андерсона, он применяет такой «железный» аргумент: «...она противоречит историческим фактам и здравому смыслу». На этом разбор «конструктивистской» теории заканчивается¹². В результате историография консерватизма остается в интеллектуальном вакууме, обрекая себя на роль мистера Хайда советской историографии с вывернутыми наизнанку оценками и преимущественно сниженными академическими стандартами.

Таинственное превращение «истории Партии» в историю (консервативных) партий не осталось незамеченным. В последние годы появилось несколько работ, анализирующих эволюцию российской литературы по этой теме. Таким образом, «школа исследований консерватизма» обзавелась своими историографами. Ими выдвинуто главное требование: от изучения отдельных биографий и направлений традиционалистской идеологии надо переходить на уровень трудов с широким кругом источников и пространными обобщениями. Оговаривается также необходимость отказаться от выражений любви к предмету своего исследования ради более беспристрастного («научного») подхода¹³. Западные аналитики тоже пристально наблюдают возникновение «школы» и «центров» по изучению консерватизма. Так, в рецензионной статье Г. Хамбурга в *Критике* разбирается ревизия старой советской исторической парадигмы в интеллектуальном поле «иссле-

¹⁰ Характерный пример являет собой диссертационное сочинение Д. Машенцева, в котором сказано, что ни в отечественной, ни в зарубежной историографии тему взаимоотношений консерватизма и демократии никто не поднимал. См.: Д. Машенцев. Демократия в интеллектуальной традиции российского консерватизма и перспективы неоконсерватизма в политических процессах современной России. Автореф. дис. канд. истор. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 7. На самом деле, литература по этому сюжету огромна. См., напр.: В. Girvin. *The Right in the Twentieth Century: Conservatism and Democracy*. L., 1994.

¹¹ Лаура Энгельштайн рассуждает над сменой парадигм в российской историографии с «изучения социальных проблем на изучение проблем культуры, от идеологии к ритуалам, практикам и репрезентациям, от центра к периферии». См.: L. Engelstein. *New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet Reflections* // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 4. P. 488.

¹² С.М. Сергеев. Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2003. С. 5-20.

¹³ А.В. Репников. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сборник научных трудов*. Воронеж, 2001. Т. 1. С. 11; А.Ю. Минаков. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // *Отечественная история*. 2005. № 6. С. 134, 139; В. Шелохаев. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // *Консерватизм в России и мире*. Воронеж, 2004. С. 61; I. Narskii. *The Right-Wing Parties: Historiographic Limitations and Perspectives* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 179-184; М.Н. Лукьянов. Общее и особенное в российском консерватизме: историографические тенденции и исторические реалии // *Консерватизм на Западе и в России*. Пермь, 2005. С. 104.

дований по консерватизму». Главный вывод автора таков: если прежде история России писалась по канве истории «освободительной борьбы» и «революционного движения», то теперь с помощью той же интеллектуальной эквилибристики отечественная история подается однобоко, сквозь призму консервативных идей и «охранительного» движения¹⁴. В конечном счете, вся история России периода Петербургской империи рассматривается как история консерватизма, и, следовательно, падение царского режима интерпретируется как результат краха консервативной идеологии, которая оказалась неспособна выработать действительно консервативную, а не просто реакционную программу.

Подобный историографический ревизионизм, больше занятый развенчиванием «советских мифов», чем формулировкой собственных концепций и выработкой новых интерпретаций прошлого России, отличается от «традиционного» ревизионизма своей правой ориентацией и желанием «нормализовать» охранителей и охранительство в России¹⁵. Порой российские «двойники» западных отрицателей Холокоста затушевывают погромы¹⁶ и превозносят царскую Россию. Историки-ревизионисты приписывают консерваторам весь спектр позитивных значений от патриотизма до «здорового смысла», подчеркивают оригинальность их воззрений, важность и влияние их исторической роли или их политических взглядов, а также «практическую значимость» их «идейного наследия» для современности¹⁷. Иногда ревизионистская историография подводит читателя к выводам об исключительности России и российских идеологических феноменов, что очень часто вызвано плохим знанием исторического контекста. В самом деле, очень немногие историки дают сравнительный анализ российского и зарубежного консерватизма¹⁸. Очень часто ревизионизм совпадает с неприкрытой апологией «золотого фонда»¹⁹ российского консерватизма. В таком случае «историк», то есть субъект исследования, и предмет исследования соединяются так, что вместо анализа и других логических операций ревизионист просто пересказывает взгляды понравившихся ему идеологов, сопровождая их хвалебными комментариями,

¹⁴ G. Hamburg. The Revival of Russian Conservatism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 126.

¹⁵ В самом деле, ревизионизм не является монополией левых интеллектуалов. См. об этом, применительно к американской науке: D. Hoover. The New Historicism // *The History Teacher*. 1992. Vol. 25. No. 3. P. 365.

¹⁶ В статье О. Платонова погромы характеризуются как «один из самых распространенных мифов сионистской пропаганды». См.: Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 578. Впрочем, подобные «патриотические» сочинения о консерватизме не входят в число источников настоящего исследования, ибо автор этих строк не компетентен в психиатрии.

¹⁷ Эти особенности разбираются в статье: M. Raeff. Russian Europeans // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. No. 4. P. 383.

¹⁸ Таковым редким исключением является, например, книга: Г.И. Мусихин. Россия в немецком зеркале (Сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002.

¹⁹ Выражение взято из: Л.М. Искра. Б.Н. Чичерин и проблемы консерватизма // *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее*. Воронеж, 2004. Т. 1. С. 130.

которые он сам принимает за науку²⁰. В этом аспекте неслучайно увлечение «актуальностью». Одни исследователи наперебой доказывают, насколько полезными могли бы быть рекомендации их героев в современной России²¹. Другие требуют срочно задействовать креативный потенциал «почвенной идеологии», и призывают превратить консерватизм из научной конструкции в политическую программу²².

Не пытаясь дать оценку ревизионистской историографии в моралистических терминах и не раскапывая скрытые политические интересы отдельных специалистов, мы хотели бы показать, что она мало плодотворна именно из-за неподходящих методов исторического исследования. Первый недостаток ревизионистской школы заключается в том, что, отбросив марксизм, исследователи с водой выплеснули и ребенка, фактически отрекшись от концептуализации исторического материала и едва ли не от рационалистического анализа в целом. Плохо понятые веяния с Запада были восприняты не как сигнал к рефлексии над своим предметом и методом, а как то, что «теперь все позволено»: критерий качества исторического сочинения испарился. В результате «школа исследований консерватизма» не позиционирует себя ни в поле «лингвистического поворота», ни в качестве реакции на него, а существуя в виде интеллектуальной провинции²³.

Вторая проблема связана с тем, что цели исследователей консерватизма не адекватны предмету их занятий. Иными словами, политические идеологии и политическая литература требуют методологического аппарата интеллектуальной истории, тогда как они изучаются преимущественно средствами политической истории или социальной философии, давая практический результат в виде соответственно «исторического фундаментализма» или «текстуализма». Задача настоящей статьи как раз и заключается в том, чтобы показать, что из-за этих недостатков бурный рост знаний о российском консерватизме остается в основном количественным. В литературе уже была выражена мысль, что «период максимальной идеологической открытости» в российской историографии дал феноменально малый «прирост знания» в общественных науках, сравнительно с советским периодом²⁴. Это как раз тот случай, когда, «выбрав неправильные методы,

²⁰ О необходимости осмыслить разницу между взглядами исследователя консерватизма и самими консерваторами см., напр.: И.А. Христофоров. Русский консерватизм: исследовательская схема или историческая реальность? // Отечественная история. 2001. № 3.

²¹ Например: Э.А. Попов. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону, 2005. С. 3.

²² См.: Д.М. Володихин. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003. С. 6.

²³ Скорбная бесчувственность отечественной историографии к «постмодернистским вызовам» контрастирует с бурным обсуждением этих тем в западной науке. См. обзор об этом: Л.П. Репина. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 224-248.

²⁴ А. Дмитриев. Контекст и метод // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/dmitr1.html>. Последний раз сайт посещался 30.03.2008.

историк пишет плохую историю»²⁵. Мы согласны с постановкой проблемы Хамбургом: способна ли эта новая школа исследований по консерватизму достичь «существенно нового понимания прошлого России», или нет?²⁶ И наш ответ будет: скорее всего, нет, если только ревизионистская школа не приступит к серьезному критическому анализу своих методов.

Ревизия методов интерпретации исторического материала начинается с отверженности идеализму в среде современных толкователей консерватизма²⁷. К. М. Ячменихин насмешливо пишет о «романтиках и позитивистах», которые верят в то, что источники содержат исторические факты. Вместо этого автор настаивает на отсутствии «источника без исследователя»²⁸. Вполне логично, что при подобной установке «исследователя», его личные симпатии превратили А. А. Аракчеева в честного и разумного государственного деятеля. Аналогичным образом, книга А.Н. Боханова о русском монархизме сразу начинается с атаки на некие смутно определенные автором «марксизм и позитивизм», которые якобы не дают верного понимания «духовного характера народа»²⁹. Оригинальный метод автора заключается в том, что принципы «западной» рациональности, сравнительного исследования и философского материализма заменяются на его собственные религиозные интуиции и монархические сантименты³⁰. К.А. Кокшенева, редактор коллективного труда *Русский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века*, выразилась еще более определенно и, во всяком случае, честно: цель монографии она видит не в том, чтобы увеличивать знания, накапливать факты и материалы, а в том, чтобы писать о консерватизме как о «личной ценности» авторов³¹.

Видимо, эти «консерватороведы» считают, что исследователь должен быть консерватором, чтобы адекватно анализировать консерватизм. Например, В.А. Гусев утверждает, что консерватизм невозможно понять с «чисто рациональной» точки зрения³². Э. А. Попов тоже, видимо, думает, что «нет источника без исследователя». Во всяком случае, он соглашается со славянофилами в том, что разум не есть *ultima ratio* и что человек не есть важнейшая ценность и мера всех вещей, как это непреложно, по его мнению, следует из «религиозной традиции и здраво-

²⁵ К. Minogue. *Method in Intellectual History: Quentin Skinner's Foundations* // *Philosophy*. 1981. Vol. 56. No. 218. P. 534.

²⁶ G. Hamburg. *Op. Cit.* P. 127.

²⁷ См., например: М.Ю. Чернавский. О некоторых тенденциях развития консервативной мысли в XXI веке (Текст доклада на научно-практической конференции «Русский консерватизм: история и перспективы»). М., 12 сентября 2001 года. <http://www.conservatism.narod.ru/chernav/chern5.doc>. Последний раз сайт посещался 30.03.2008.

²⁸ К.М. Ячменихин. «Аракчеевщина»: историографические мифы // *Консерватизм в России и мире*. Т. 1. С. 118.

²⁹ А.Н. Боханов. *Самодержавие: идея царской власти*. М., 2002. С. 8.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ *Российский консерватизм в литературе и общественной мысли*. С. 5.

³² В.А. Гусев. *Русский консерватизм: основные направления и этапы развития*. Тверь, 2001. С. 4.

го смысла»³³. В результате принцип «верую, чтобы понимать» господствует в объемной монографии Э.А. Попова в не меньшей мере, чем в сочинениях славянофилов, чего он, быть может, и добивался, но позволительно тогда спросить, при чем здесь историческая наука? Другой характерный пример «новых подходов» дает странная логика А.В. Ефремова. По его разумению, Достоевский не может быть националистом, так как он был верующим христианином, а христианство «определяется» идеей любви, а не ксенофобии и ненависти³⁴. Взятое вместе, все это являет собой картину весьма специфической науки истории, в которой добрые люди интуитивно постигают других добрых людей, Аракчеевых и Дубровиных, и всемерно стараются на них походить. Иными словами, ревизия марксистской методологии советской науки привела к испарению науки как таковой и утверждению вместо нее какого-то интеллектуального шаманизма³⁵.

В других случаях «иконоборчество» современных историков состоит в отказе от классового анализа, осмеянного за «догматизм», и от изучения социально-исторической обстановки в целом³⁶. Э.А. Попов, например, подчеркивает, что консерватизм не есть классовая идеология, поскольку он отражает «универсальные мировоззренческие ценности»³⁷. В соответствии с концепцией В.А. Гусева, консерватизм также является в принципе мета-классовой или вне-классовой идеологией, так как учитывает интересы всех социальных групп, входящих в данное общество³⁸. Довольно трудно спорить с человеком, считающим, что дореволюционный «консерватизм» с его «универсальными ценностями» отражал интересы, скажем, рабочего класса. Такой подход превращает консерватизм в некое подобие советского коммунизма – «единство верной», «научной» и «отражающей интересы всех трудящихся» идеологии. Но нельзя также согласиться и с более осторожной позицией А.В. Репникова, который утверждает, что консерваторы защищали сословную систему не потому, что принадлежали к известному социальному слою, а потому, что придерживались определенных религиозных и политических идеалов³⁹. Это, однако же, не дает ответа на поставленный вопрос; ведь

³³ Э.А. Попов. Ук. соч. С. 67.

³⁴ А.В. Ефремов. Данилевский и Достоевский: футурология панславизма и национальный мессианизм // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли. С. 80.

³⁵ Примерно об этом же пишет Д.Р. Хапаева, вводя выражение «готическое общество», применительно к современной России. Повсеместный сон разума, недоверие к рациональным методам, к науке в целом и к способности человека адекватно понимать происходящее родили подобную историческую алхимию. См. Д.Р. Хапаева. Готическое общество. М., 2007.

³⁶ А.А. Иванов. Последние защитники монархии: фракция правых в IV Государственной Думе в годы Первой мировой войны (1914-1917). СПб., 2006. С. 11; А.С. Карцов. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 7. Исключением здесь кажется работа С.В. Польского, написанная в традициях классового анализа. См.: С.В. Польской. «Законов отечественных прилежный блюститель»: политические взгляды М. М. Щербатова // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005. С. 38.

³⁷ Э.А. Попов. Ук. соч. С. 55.

³⁸ В.А. Гусев. Ук. соч. С. 38-39.

³⁹ А.В. Репников. Консервативные представления о переустройстве России (Конец XIX – начало XX веков). М., 2006. С. 125.

надо сначала понять, почему они придерживались этих взглядов, и нет ли среди этих причин социальной обусловленности? Надо еще заметить, что, отказавшись от классового анализа, историки не заменили его на более «модные» подходы с точки зрения «нации» или «гендера», которые, по меньшей мере, обеспечили бы некоторую концептуальную стройность историческим реконструкциям.

Одна из главных целей ревизионистской историографии российского консерватизма – это «освобождение» от «идеологических штампов» советской исторической науки и провозглашение вместо этого научной «объективности»⁴⁰, под которой почему-то понимается не соответствие историческим фактам, а умение показать «сильные и слабые стороны правых»⁴¹. Принцип «партийности» тем самым заменяется на «принцип нейтральности», то есть на идеологическую беспристрастность, что само по себе не так уж и плохо для историка, но в данном контексте часто означает упрощение методологии. Для многих специалистов «нулевой уровень» идеологии подразумевает не критическое восприятие консерватизма «как он есть». В этом случае идеологическая нейтральность равнозначна методологической нейтральности и в конечном итоге парадоксальным образом подводит к апологии консерватизма. Не случайно, одно из наиболее апологетических сочинений на эту тему озаглавлено «Без гнева и пристрастия о российских консерваторах»⁴². В.В. Шелохаев сильно постарался для упрочения такого подхода, когда призывал отбросить всякую теорию и руководствоваться только «здравым смыслом» исследователя⁴³. В литературе можно встретить и сногшибательные заявления о необходимости отречься от «систематизации исторического прошлого»⁴⁴. Вред, причиненный такими утверждениями, чрезмерен; теоретическая астения интеллектуальной истории влечет за собой превращение «исследований консерватизма» в знание нюансов о консерваторах, а сообщество исследователей – в клуб знатоков и ценителей консерватизма. Вопросы о сущности, значении, причинах и мотивах той или иной политической идеи почти не поднимаются, так что исторический труд сводится к персональной эрудиции исследователя, к «историческому фундаментализму», потерявшему способность интерпретировать и анализировать факты⁴⁵. С большей степенью абстракции можно сказать, что «ис-

⁴⁰ См., в частности: А. Иванов. Ук. соч. С. 12 – 13.

⁴¹ С.В. Лебедев. Донкихоты самодержавия // А. Иванов. Ук. соч. С. 4.

⁴² См.: Российский консерватизм в литературе и общественной мысли.

⁴³ В.В. Шелохаев. Ук. соч. С. 61.

⁴⁴ Э.А. Попов. Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX века. / Автореф. дис. к.и.н. Ростов-на-Дону, 2000. С. 3.

⁴⁵ Этот тип историографической «мифологии» критиковал К. Скиннер: «История идей основывается на способности исследователя изображать прошлое, наполняя его своими собственными воспоминаниями». См.: Q. Skinner. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. No. 1. P. 27. Дж. Данн высказывался в том же духе: «Проблема историка в том, что его опыт тоже решительно ограничивает контекст высказывания; в самом деле, это легко обращает знание о прошлом в знание об интеллектуальной биографии историка». См.: J. Dunn. The Identity in the History of Ideas // Philosophy. 1968. Vol. 43. No. 164. P. 98.

торический фундаментализм»⁴⁶ ведет к невозможности делать какие бы то ни было обобщения, основываясь на неизбежно ограниченном количестве источников (фактов).

Естественно, что в таком случае новая историография консерватизма, в той мере, в какой она превратилась в «знание нюансов», воздерживается от суждений, и предлагает мозаичную, распавшуюся картину истории. Порой дотошное внимание к фактам и оттенкам придает исследованию довольно потешный характер. Так, в одной статье описываются животные, населявшие имение Аракчеева. Читатель узнает, например, что в лесах там жили олени, дикие козы, рыси, медведи, волки, лисы и куропатки. Реки и озера кишели осетрами, налимами, судаками и сомами⁴⁷. Другой специалист, подчеркивающий консервативность баснописца Крылова, доверительно сообщает, что последний любил наблюдать пожары и пил совсем немного, а если и выпивал, то никогда не пьянел⁴⁸. Факт наличия сомов в прудах у Аракчеева тоже, конечно, познавателен, но вряд ли позволяет глубже понять российскую историю, не говоря уже об истории консервативных идей.

Слабость российской интеллектуальной истории связана, кроме всего прочего, и с тем, что эта школа не отделилась вполне от традиционной политической истории⁴⁹. Определенное идеологическое высказывание рассматривается как «элементарное», как исторический факт, и все ремесло историка идей в таком случае сводится к описанию этих элементов и их взаимоотношения, мало заботясь о значении, мотивации, историческом контексте⁵⁰. Поэтому такие исследователи консерватизма, не видящие неисчерпаемость «элементарной частицы истории» останавливаются там, где настоящая история идей только должна начинаться. Интерпретируя идеологическое утверждение как исторический факт, исследователь впадает в ошибку текстуализма. Исторический текстуализм воспринимает определенную политическую идею как «вечную проблему», а идеологию как неизменную и фиксированную философскую систему⁵¹. При таком понимании главной задачей историка становится обнаружение внутренней структуры и скрытой логики в массе авторского текста; так, словно этот текст принадлежит не Каткову или Меньшикову, а Локку или Монтескье⁵². И действительно, истори-

⁴⁶ Термин взят из: K. Minogue. Op.cit. P. 538

⁴⁷ К.М. Ячменихин, Т.В. Соломенная. Алексей Андреевич Аракчеев // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 198.

⁴⁸ А. Баженов. «Русский ум, достигший полного совершенства...» (Крылов – консерватор вечного) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. С. 91.

⁴⁹ Эта особенность обсуждается в: I. Narskii. Op. cit. P. 182-184.

⁵⁰ Немногие историки четко ставят перед собой задачу понимания того, почему консерваторы думали и действовали тем или иным образом. М.Н. Лукьянов среди них: М.Н. Лукьянов. Российский консерватизм и реформа: 1907-1914. Пермь, 2001. С. 11.

⁵¹ Абсурдность этого предположения остроумно показана в: Q. Skinner. Op. cit. P.11.

⁵² Как замечено в литературе, чем текст более абстрактен, тем он менее зависим от исторического контекста, и наоборот. Очевидно, что взгляды российских консерваторов, не

ки новой школы более амбициозными проектами не озадачиваются; например, А.С. Карцов ставит перед собой цель вскрыть концепцию В.П. Мещерского и ее основы, разбросанные по его произведениям⁵³. «Вскрыв» же внутреннюю логику идеолога, историки приступают к объяснению и оправданию видимых противоречий в авторской концепции, не задумываясь о том, что идеология отдельного консерватора, а тем более «консерватизма» в целом или каких-либо его течений, совсем не обязана быть математически стройной. Последовательно проведенная, такая исследовательская тактика опять с неизбежностью ведет к апологии, к изображению взглядов консерваторов в более авантажном виде, чем они сами смогли их выразить⁵⁴. В случае текстуалистской интерпретации консерватизма средствами социальной философии может получиться как у А.В. Пролубникова, написавшего, что русский консерватизм явил пример фундаментального изучения вечных проблем власти, государства и политики⁵⁵.

Сомневаясь в самой возможности «вечных проблем» в истории, мы бы отметили, что наиболее распространенным приемом текстуалистского снятия противоречий в высказываниях идеологов является процедура обнаружения наиболее общей идеи. Затем, объявляется, что с точки зрения этой идеи остальные мысли консерватора хорошо обдуманы и систематичны. Подобное мероприятие по усилению систематичности и убедительности идеологии является тем, что К. Скиннер называл «мифологией связности»⁵⁶. Ясно, впрочем, что даже если во взглядах того или иного консерватора и присутствовала внутренняя логика, этот факт не увеличивает наше знание о нем, кроме того, что он не сумасшедший, а этого, кажется, недостаточно для науки. Кроме того, наиболее общая идея не обязательно является наиболее существенной; как правило, она, как раз наоборот, самая поверхностная, пустая, способная непротиворечиво охватить великое множество частных концептов. Можно взять для примера сочинение М.Ю. Чернавского о М.Н. Каткове. Автор пытается «объяснить» тезис Каткова о том, что социальные связи исключительно важны для народа, рассуждая так: Катков исходит из «традиционного для консервативного сознания» предположения о том, что целое господствует над частным. Отсюда «логически» следует, что общественное целое

слишком расположенных к философским построениям, вне контекста рассматривать бессмысленно. См.: V. Parekh and R. Berki. *The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology* // *Journal of the History of Ideas*. 1973. Vol. 34. No. 2. P. 174.

⁵³ А.С. Карцов. Ук. соч. С. 20. И.В. Лукоянов оправданно высмеивает попытку «сконструировать» несуществующую политическую концепцию К.П. Победоносцева, предпринятую в следующей работе: Е.В. Тимошина. Политико-правовая идеология пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000. См.: И.В. Лукоянов. Российские консерваторы: пособие к лекционному курсу. СПб., 2003. С. 41.

⁵⁴ Типичный пример такого рода рассуждений: «Представления Н.Я. Данилевского о "славянской цивилизации" органично вытекали из его общих идейно-мировоззренческих установок...» См.: А.Н. Птицын. Концепция «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского. Ставрополь, 2003. С. 130.

⁵⁵ А.В. Пролубников. Идеи монархической государственности. М., 2002. С. 5.

⁵⁶ Q. Skinner. *Op. cit.* P. 19.

важнее индивида⁵⁷. Это рассуждение на редкость бессмысленное, поскольку из него не следует с необходимостью, скажем, борьба против земских учреждений. Диалектика общего и частного является наиболее широкой философской закономерностью, а вовсе не привилегией Каткова или Чернавского. Таким образом, уяснение внутренней логики идеологического построения очень мало дает для понимания идеологии консерватизма.

Книги, выбранные для данного исследования, лучше всего представляют собой эту новую «школу исследований консерватизма» после 2000 года. Для «чистоты» эксперимента взяты наиболее основательные труды известных и добросовестных историков, которые рассматривают не столько историю консервативного движения, сколько историю консервативных идей, а, следовательно, относятся к «жанру» интеллектуальной истории. Авторы, А.В. Репников, А.Ю. Минаков и И.В. Лукоянов являются признанными лидерами исследовательских центров по изучению консерватизма в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже соответственно. При этом они относятся к новому поколению «генерации 2000 года», а потому без сомнения будут определять характер «школы» в обозримом будущем. Поэтому представляется особенно важным присмотреться пристальнее к «интеллектуальной кухне» этих исследователей.

Начнем с монографии *Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков)* А.В. Репникова. Этот в высшей степени добросовестный, изобилующий детальными подробностями о жизни и взглядах «раскопанных» идеологов, труд относится к ревизионистской школе исследований консерватизма. Ставя своей задачей «нормализовать» консерваторов, доказать, что они не были просто реакционерами, обскурантами и проповедниками контрреформ⁵⁸, доктор исторических наук А.В. Репников пишет картину интеллектуальной истории России всеми оттенками «консервативного». Традиционно сильная сторона автора – его компетентность в историографии проблемы⁵⁹. Не менее похвальным является описание источников. Будучи высокопоставленным сотрудником Российского архива социальной и политической истории, А.В. Репников не упускает шанса сделать источниковедческий аспект монографии особенно привлекательным. Он использует политические сочинения огромного множества консерваторов, значительная часть из которых вполне неизвестна даже квалифицированному специалисту в области отечественной истории. Для примера назовем А.Е. Вандама, В.И. Строганова, И.И. Дусинского и Н.А. Захарова. Кроме того, он вводит в научный оборот большое количество документов, отно-

⁵⁷ М.Ю. Чернавский. Формирование консервативной политико-философской концепции М.Н. Каткова // Консерватизм в России и мире. С. 43.

⁵⁸ Там же. С. 4.

⁵⁹ Его первая монография также содержит пространный очерк по историографии. См.: А.В. Репников. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. Историографии посвящены и отдельные работы этого автора: А.В. Репников. Современная историография российского консерватизма // Консерватизм на Юге России. Т. 9. Ростов-на-Дону, 2002. С. 5-28.

сящихся ко взглядам и биографиям Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева, Е.М. Феоктисова, В.А. Грингмута и многих других правых идеологов. Материалы судебных дел против «охранителей», осужденных большевиками, составили особенно ценную категорию источников, которые позволили А. В. Репникову существенно обогатить последнюю главу, посвященную «жизни после смерти» российских консерваторов в пост-революционный период. К монографии прилагается *Дневник* Тихомирова 1915-1917 гг., доброкачественно (если не чрезмерно) комментированный и подготовленный автором к публикации.

Исследователь начинает изложение с осуждения взгляда на консерваторов как твердолобых «охранителей», обслуживающих режим. Он резонно выступает за более нюансированную историю, подчеркивая, что временами правые бичевали « пороки капиталистического общества» и официальную политику с не меньшим энтузиазмом, чем социалисты⁶⁰. Такой угол зрения, неоднократно уже предлагавшийся в литературе⁶¹, дает картину консервативной мысли как крайне пессимистичной, едко осуждающей правительство и современность в целом. А.В. Репников, впрочем, идет еще дальше. В его изображении российские консерваторы предстают идеологами, гибко и активно реагирующими на современность, беря в качестве примера намерение Тихомирова включить рабочих в традиционную сословную структуру, а также мечты С.Ф. Шарапова о государственном регулировании капиталистических отношений⁶². Как показано в рецензируемой книге, такие деятели, как К.Н. Леонтьев или тот же Тихомиров пытались усвоить некоторые социалистические элементы для того, чтобы отражать натиск капитализма. Другие же (Шарапов, А.И. Дубровин), особенно после 1905 г., наоборот, были готовы пойти на компромисс с капиталистическими силами для борьбы с социализмом⁶³. Таким образом, как показано в этом сочинении, несмотря на восприимчивость к новым идеологическим схемам, консерваторы оказались слишком нерешительными. Они медлили с выбором союзников до того момента, когда они сами перестали быть нужны кому бы то ни было. Другая причина слабости и конечного поражения правого движения заключается, по мнению А.В. Репникова, в том, что их взгляды были слишком эклектичны и критичны ко всему на свете. Как результат, они не выработали реалистических проектов социального реформирования, которые могли бы конкурировать с альтернативными идеологиями в условиях массовой политики⁶⁴.

⁶⁰ А.В. Репников. Консервативные представления. С. 228.

⁶¹ См., например, подробный анализ в диссертации: E. Newstad. Components of Pessimism in Russian Conservative Thought, 1881-1905. Unpublished Ph.D. dissertation. The University of Oklahoma, 1991. P. 51-83, а также в статье: М.Н. Лукьянов. В ожидании катастрофы: эсхатологические мотивы в русском консерватизме накануне первой мировой войны // Russian History / Histoire Russe. 2004. Vol. 31. No. 4.

⁶² А. В. Репников. Консервативные представления. С. 75, 240.

⁶³ Там же. С. 80-87.

⁶⁴ Там же. С. 81.

Однако, вопрос о том, почему идеи правых были внутренне противоречивыми и не слишком популярными, почему они реагировали на социальные перемены тем или иным образом, в работе не ставится или ставится не совсем четко. Так, например, автор утверждает, что взгляды консерваторов на сельское хозяйство определялись не столько «повседневными политическими страстями», сколько «научным анализом и здравым смыслом»⁶⁵. В частности, «научный анализ» привел правых идеологов к выводу о том, что нет крестьянского малоземелья, а есть неэффективные методы возделывания земли. Согласно логике автора получается, что среди либералов или, например, социалистов не было ни хороших экономистов, ни просто понимающих людей. Возможно, стоит разобраться не только в том, почему консерваторы стояли за передовую агрикультуру, но и почему они, будучи представителями дворянского сословия и класса землевладельцев, выступали *против* расширения крестьянского землепользования. Но автор «Консервативных представлений...» решительно отказался от классового подхода даже в качестве вспомогательного метода, и в результате получилась похвала консерватизму.

А.В. Репников абсолютно точно показывает, насколько живо реагировали консерваторы на экономические реформы С.Ю. Витте, выступая против введения золотой валюты и иностранных инвестиций. Некоторые из них, например, Шарапов и П.Ф. Булацель, сформулировали довольно последовательную альтернативную программу, основанную на принципах автаркии, протекционизма и понижении курса рубля⁶⁶. Но чтение этих страниц оставляет впечатление, что «охранители» были непризнанными экономическими гениями⁶⁷. Между тем, даже беглый анализ социально-исторического контекста может многое показать. Так, Шарапов был, как известно, помещиком, обанкротившимся в 1890-е гг. в результате экономических реформ, которые повысили курс рубля (соответственно, привлекательность русского зерна за рубежом), увеличили стоимость кредита и уменьшили спрос на продукцию сельского хозяйства. Такова была цена индустриализации, которую консерваторы не желали платить из своего кармана, а потому восставали против государственной экономической политики⁶⁸. Никто не спорит,

⁶⁵ Там же. С. 232.

⁶⁶ Там же. С. 70-74.

⁶⁷ Есть и иная, более скептическая оценка экономических проектов С.Ф. Шарапова. См.: А.Н. Дубянский. Программа реформирования денежного обращения в России С. Ф. Шарапова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Т. 5. № 4. С. 81; Ю.В. Базулин. Теория «абсолютных денег» С.Ф. Шарапова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Т. 5. № 1. С. 48.

⁶⁸ Ревизионистская школа игнорирует обширную литературу, как советскую, так и зарубежную, которая признает социально-экономические мотивы идеологических взглядов С. Ф. Шарапова и его последователей. См., например: В.В. Ведерников. Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия / Дис. к.и.н. Ленинград, 1983. С. 183; он же. Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895 – 1902) // Вестник ЛГУ. 1981. Серия История. Т. 2. № 8. С. 104 -107; Т.Н. von Laue. The High Cost and the Gamble of the Witte System: A Chapter in the Industrialization of Russia // The Journal of Economic History. 1953. Vol. 13. No. 4.

что Шарапов и другие лидеры правых вполне искренно верили в благотворность их экономических предложений для всей России, но это не снимает вопроса о социальной обусловленности их взглядов.

Как и другие представители «школы», А.В. Репников привержен к тактике нахождения наиболее общей идеи для обоснования всей идеологической концепции консерваторов. По его мнению, неизменный монархизм российских консерваторов может быть понят только в контексте их религиозных верований⁶⁹. Мы не можем согласиться с этим, так как «религиозность» является довольно пустым и ничего не объясняющим термином. В самом деле, религия поддерживает и оправдывает не только монархические, но и многие другие политические убеждения, включая сюда и теорию народного суверенитета. С другой стороны, у консерваторов нет монополии на религиозную веру, которая разделяется людьми самых разных политических убеждений. Напротив, аргументация консерваторов всегда была очень гибкой, способной включить в себя строгую набожность для обоснования прав царя-миропомазанника, и тут же легко забывающей религиозные догмы для оправдания контрреволюционного террора. Итак, в данном случае наиболее общая идея не является достаточным и необходимым условием для определенного типа мышления. В описанной исследовательской тактике заключается опасность для историка пропустить более убедительные способы объяснения и понимания тех или иных идей. Например, А.В. Репников изображает весьма показательную мизансцену, в которой Николай II предлагает отречение от престола и превращение в патриарха православной церкви⁷⁰. Конечно, очень может быть, что последний царь был благочестивым христианином, мечтавшим укрепить церковь, но для понимания его мотивов в данном случае достаточно иметь в виду, что действие происходит в сентябре 1916 г., когда речь шла о самом существовании монархии, а не о нюансах клерикализма.

Кроме того, большинство правых идеологов было далеко от теологических нюансов и соглашалось на сделку с любым богом или дьяволом ради спасения погибающей Империи, как это показал сам автор, ссылаясь на готовность правых искать союзников среди российских мусульман⁷¹. При чем же здесь православная догматика? Из настойчивых утверждений автора о связи политических концептов правых (например, «иерархия», «военная служба»)⁷² с религией можно сделать иной вывод: идеологический и социологический портрет русского консерватора получает заметный фундаменталистский оттенок⁷³. В любом случае,

P. 438; idem. A Secret Memorandum of Sergei Witte on the Industrialization of Imperial Russia // The Journal of Modern History. 1954. Vol. 26. No.1. P. 61; T. Trice. Sergei Fedorovich Sharapov (1855 – 1911): Reactionary Russian Publicist. Unpublished Ph.D. dissertation. Louisiana College, 1987. P. 33.

⁶⁹ А.В. Репников. Консервативные представления. С. 93.

⁷⁰ Там же. С. 173

⁷¹ Там же. С. 223.

⁷² Там же. С. 117, 125, 127.

⁷³ Возможно, эта гипотеза позволила бы снять парадоксы русского консерватизма, в частности сочетание реформистских и реакционных идей. Фундаментализм, как известно, часто

вопреки молчаливому восхищению автора, именно религиозность правых была фактором слабости консервативного движения, ведь даже наиболее блестящие идеологи, Тихомиров, Леонтьев, П.Е. Казанский, не смогли обосновать монархизм с чисто рациональной точки зрения, без ссылок на божественные откровения, к которым так мало оставалось в то время доверия.

«Религиозный консерватизм» выражался в желании некоторых клириков и идеологов восстановить патриаршество, оживить православный приход и примириться со староверами. Такая политика привела бы к усилению влияния церковников на общество, с чем не могли согласиться лидеры правых партий, так что идея изжила себя вскоре после учреждения российского парламента⁷⁴.

Кроме, условно говоря, «фундаменталистского» консерватизма автор описывает и другое направление, славянофильское, которое допускало некоторую, пусть и «гомеопатическую» дозу народного представительства, пытаясь тем самым приспособить средневековую структуру Империи к современности. Исследователь детально разбирает концепцию Земского собора, отмечая, что такое вольнодумство не могло получить широкого хождения в кругах консерваторов из-за слишком уж заметного «привкуса» теории народного суверенитета⁷⁵. С другой стороны, неославянофилы защищали слишком уж архаичные и, в то же время, радикальные взгляды, чтобы их можно было обратить в государственную программу реформирования страны⁷⁶. Полностью соглашаясь с обоими заключениями, мы бы подвергли сомнению разоблачительный пафос автора: да, неославянофилы выдвигали архаичные проекты, но это был шаг в сторону современности, в то время как «фундаменталисты» двигались в противоположном направлении.

Консервативные представления содержат несколько намеков на то, что российское «охранительство», в той мере, в какой оно восприняло аргументацию националистов, могло бы приобрести более респектабельную форму либерального консерватизма в стиле британского торизма⁷⁷. Автор указывает, например, на М.О. Меншикова, национал-либеральную идеологию которого действительно можно сопоставить с реформистским консерватизмом Великобритании⁷⁸. К сожалению, А.В. Репников не развивает до конца эту мысль, как и не ставит перед собой проблему сочетания национального и имперского принципа в консервативном мировоззрении. Автор показывает, что консерваторы хотя и восприняли эле-

находится в непримиримом противоречии с консерватизмом. См.: M. Marty. Fundamentalism as a Social Phenomenon // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 1988. Vol. 42. No. 2. P. 17.

⁷⁴ Там же. С. 168-176, 180-181 (о проектах религиозных консерваторов) и С. 179. (о нежелании правых сотрудничать с такими сомнительными союзниками, как религиозные фанатики).

⁷⁵ Там же. С. 156-161.

⁷⁶ Там же. С. 147.

⁷⁷ Там же. С. 193, 195.

⁷⁸ Ср., напр.: National Revival: A Re-Statement of Tory Principles. With an introduction by Lord Willoughby de Broke. London, 1913. P. 88.

менты националистической риторики, но недостаточно активно⁷⁹. Более того, некоторые из них, для примера назовем Шарапова и Меньшикова, энергично воспротивились политике русификации⁸⁰. Даже антисемитизм, иногда называемый центральной идеей российского консерватизма, не встречал повсеместной поддержки в среде правых. Так, Мещерский и В.В. Шульгин выступали против обвинений, предъявленных М. Бейлису по известному сфабрикованному процессу⁸¹. Поэтому вполне понятно и похвально желание историка развенчать мнение об отечественных консерваторах как о «протофашистах» и яростных сторонниках лозунга «Россия для русских»⁸². Автор проникательно замечает, что дореволюционные консерваторы, даже используя понятие «национализм», вкладывали в него смысл, отличный от ныне общепринятого, подразумевая не политическую или этническую общность, а культурную или конфессиональную ассоциацию⁸³. Действительно, сам факт наличия «дискурса о нации» еще не означает пришествия национализма, так как понятия «нация», «народ», «национализм» способны вместить в себя самые разные смыслы. Так, по убеждению Р. Вортмана, игры в «миф о нации», открыто практиковавшиеся, начиная с эпохи Александра III, имели своей целью укрепление абсолютной власти императора, а не построение национального государства. В этом контексте «национализм» корректнее было бы понимать как «традиционализм»⁸⁴.

А.В. Репников, однако, не вполне последователен в своем ревизионизме. Он полагает, что именно национализм консерваторов подталкивал их к выступлениям против буржуазии, имея в виду, что многие промышленники и банкиры были «инородцами»⁸⁵. С точки зрения авторской логики более правильно было бы утверждать обратное: недоверие к буржуазии как к классовому сопернику дворян-консерваторов порой выражалось в ксенофобских, антисемитских и националистических высказываниях⁸⁶. Впрочем, с выводом исследователя можно согласиться: поскольку консерваторы так никогда и не справились с разработкой все-

⁷⁹ Там же. С. 185, 191.

⁸⁰ Там же. С. 188-189.

⁸¹ Там же. С. 220-221.

⁸² Об этом, впрочем, уже есть немало исследований. Например: М.Н. Лукьянов. Российский консерватизм и реформа. С. 101-106.

⁸³ Там же. С. 196. Здесь А.В. Репников ссылается на другое исследование: И. Омелянчук. Черносотенное движение на территории Украины: 1904-1914. Киев, 2000. С. 403.

⁸⁴ R. Wortman. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. New Jersey, 2000. Vol. 1. P. 5.

⁸⁵ Там же. С. 76. А.В. Репников ссылается на работу А. Елисеева (А. Елисеев. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века / Автореф. дис. к.и.н. М., 1997), хотя такая трактовка ранее была предложена в книге: Н. Loewe. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction, and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772-1917. Chur, 1993. P. 3.

⁸⁶ Наши источники показывают, что у правых идеологов ненависть к буржуазии почти всегда превосходила враждебность к нерусским народностям. Например, Д.А. Хомяков писал, что «капитализм... есть величайший враг и человечества вообще», и в частности русского самодержавия. См.: Д.А. Хомяков. Самодержавие // Он же. Православие. Самодержавие. Народность. Минск, 1997. С. 143. Впервые опубликовано: Д.Х. [Д.А. Хомяков]. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия). Рим, 1899.

сторонней националистической доктрины, основанной на принципах законности, то функцию национальной консолидации выполняли маргинальные и радикальные группы погромщиков и шовинистов. А.В. Репников решается и на более смелые заявления о том, что национализм в любом виде деструктивен для российской консервативной идеологии, изначальный смысл которой заключается в оправдании Империи⁸⁷. Надо признать убедительным и это мнение А.В. Репникова, и то, что русский консерватизм должен был сохранить свой «имперский» характер до конца, иначе он не был бы ни русским, ни консерватизмом. Таким образом, полученные автором данные ставят под сомнение тезис Э. Тадена о преобладании «консервативного национализма» в предреволюционной России, тем более о его близости к «абортивному русскому фашизму»⁸⁸. В самом деле, для правых более актуальной задачей было не установление классовой гармонии посредством национализма, а сглаживание национальных противоречий, с чем национализм, понятно, не мог справиться⁸⁹.

Милитаризм и экспансионизм были, возможно, наиболее яркими «наследственными чертами» российской империи. Не случайно консервативные идеологи возлагали столь много надежд на геополитические стратегии, поскольку «маленькая победоносная война» могла бы решить или, во всяком случае, затушить внутривосточные проблемы. Но в этом правые столкнулись с болезненной неприятностью: с одной стороны они понимали, что Россия должна быть напористой на международной арене, а с другой стороны, они видели ее неспособность проводить активную политику, как это показал разгром на Дальнем Востоке в 1904-1905 гг. Это осложнение вызвало два главных сдвига в понимании консерваторами геополитических задач России накануне первой мировой войны, что подробно, но, к сожалению, недостаточно концептуально, освещено в «Консервативных представлениях...». Итак, первая трансформация в традиционном понятии аппарата правых – это рост внимания к Азии. Э.Э. Ухтомский, С.Н. Сыромятников и Тихомиров разъясняли, что восточные народы, имеющие некую культурную общность с Россией, могли бы стать могущественными союзниками Империи в грядущей борьбе с Европой⁹⁰. И хотя другие осторожно советовали

⁸⁷ А. В. Репников. Консервативные представления. С. 224.

⁸⁸ E.C. Thaden. *Interpreting History: Collective Essays on Russian Relations with Europe*. New York, 1990. P. 203; E.C. Thadden. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle, 1964. P. 205.

⁸⁹ Существует литература, доказывающая иррелевантность «национализма», применительно к дореволюционной России, или, во всяком случае, преобладание «имперского» дискурса над «национальным». См.: Th. Weeks. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914*. DeKalb, 1996. P. 5, 13; A. Tuminez. *Russian Nationalism since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy*. Oxford, 2000. P. 6, 12; G. Hosking. *Russia: People and Empire, 1552-1917*. Cambridge, MA, 1997. P. XIX. Особенно яркой в этом контексте является статья: D. Rowley. *Imperial versus National Discourse: The Case of Russia* // *Nations and Nationalism*. 2000. Vol. 6. No 1. P. 24.

⁹⁰ А.В. Репников. Консервативные представления. С. 261.

не трогать «спящую собаку»⁹¹, «азиатское направление» в консерватизме совпало с геополитическими вождениями царской администрации. А.В. Репников сдержанно высказывается о том, что «восточники» дали начало евразийству⁹², но не мешало бы также поставить вопрос о том, насколько правые ответственны за развязывание русско-японской войны со всеми внутривосточными последствиями, прежде всего, для самих же консерваторов⁹³.

Второй идеологический сдвиг в консервативных взглядах на международные отношения заключался, согласно рассматриваемой книге, в прагматизме, который заменил романтические надежды предыдущих поколений. Политика «национального эгоизма», поддержанная А.И. Савенко, Дусинским и Строгановым⁹⁴, почти не оставляла места для панславизма. Исключением являлись те случаи, когда панславизму отводилась роль юго-западного щита Империи, как в предложениях Шарапова, или «заповедника традиции», как об этом намекает А.В. Репников, применительно ко взглядам Леонтьева⁹⁵. Прагматизм объясняет необычное миролюбие консерваторов незадолго до Великой войны, суицидальность которой для России трудно было не предвидеть. В этом месте автор цитирует знаменитую записку П.Н. Дурново, написанную в феврале 1914 г., которая очень характерна в том отношении, что ее составитель хотя и предостерегает против военной конфронтации с Германией, но не призывает отказаться от стратегии военных блоков. Отсюда можно понять, почему, по словам А.В. Репникова, у правых не было четкой геополитической программы накануне 1914 года⁹⁶. Дело в том, что их воинственность была подобна поведению тигра с гнилыми зубами: противоестественным для них было бы отказаться от воинственного империализма, и в то же время они не могли решиться на открытую поддержку конкистадорской политики образца 1860-70-х гг.

В итоге автор заключает, что накануне 1917 г. российский консерватизм находился в глубоком кризисе, от которого он так и не оправился⁹⁷. Поэтому после отречения Николая II правое движение и мышление оказались разбиты параличом; идеологи консерватизма и не мечтали о реставрации. Некоторые из них приветствовали Временное правительство (Тихомиров), другие примеривали на себя республиканские тоги (Меньшиков)⁹⁸. Отрекшись от своих базовых принципов, консерваторы разделили судьбу империи Романовых, перейдя в небытие. Одни из них закончили свои дни, живя на советское социальное пособие, другие погибли от красного террора и политических репрессий или были обречены на вы-

⁹¹ Там же. С. 267.

⁹² Там же. С. 268.

⁹³ Вопрос этот уже поднимался в сочинении: D. Schimmelpenninck van der Oye. *Towards the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

⁹⁴ А. В. Репников. Консервативные представления. С. 270, 276.

⁹⁵ Там же. С. 265 .

⁹⁶ Там же. С. 296.

⁹⁷ Там же. С. 346.

⁹⁸ Там же. С. 297-307.

мириание в голодные годы гражданской войны; наконец, значительная их часть эмигрировала.

Вывод о неспособности правых примирить социальные противоречия и предотвратить революционный взрыв, создать вразумительную экономическую и политическую программу и ответить на вызовы модернизации⁹⁹ представляется несколько противоречащим общей ревизионистской интенции автора показать «рациональные элементы» в дореволюционном консерватизме. В целом, это основательное исследование безусловно содержит в себе много ценных мыслей о российской интеллектуальной истории, но как правило, читателю предоставлено додумывать, или даже «изобретать» авторские концепции, исходя из довольно-таки сырого материала. Это как раз тот случай, когда отсутствие рефлексии о методе и предмете исследования привело к увеличению нашего знания о консерватизме без адекватного улучшения нашего понимания проблемы.

В пространстве исторического ревизионизма обретается и коллективная монография, посвященная российским консерваторам первой трети XIX века. Она кратко озаглавлена *Против течения*, и это название вызывает привычные ассоциации с борьбой чудаковатых «донкихотов самодержавия» против современности. При ближайшем, однако, рассмотрении, оказывается, что основное намерение авторов – показать значимость консервативных идеологов и политиков для России, которые в такой интерпретации двигались вовсе не *против*, а очень даже *по* течению, а вернее, сами представляли собой «основной поток» истории¹⁰⁰. Редактор публикации, А.Ю. Минаков, последовательно проводит ревизию традиционных представлений о российских консерваторах. Если железная цепь советской исторической парадигмы тянется от декабристов к Герцену, а от Герцена к народникам и далее со всеми остановками, то ревизионистская историография выковала свой метанарратив. Декабристское восстание (которое теперь положено называть «бунтом»¹⁰¹) ныне задвинуто на второй план, и вместо него история представлена такими вехами, как «реакционный поворот» 1820-х гг., эпоха Николая I и теория «официальной народности», консервативно-дворянская реакция на либеральные реформы 1860-х и т.д. и т.п. Даже отечественная война 1812 года тоже получила свою консервативную интерпретацию. Редактор сборника и не скрывает, что накануне войны с Наполеоном в России произошла кристаллизация консерватизма, который из маргинального течения превратился в интеллектуальный «мейнстрим», вытеснив все прочие идеологии¹⁰². Любопытно отметить

⁹⁹ Там же. С. 59, 255, 256.

¹⁰⁰ Мы рассмотрим только несколько наиболее характерных сборников этого очерка. Остальные, такие как работы В.А. Китаева о Н.М. Карамзине, М.М. Сафонова о М.М. Философове, М.М. Шевченко о С.С. Уварова, содержательно разобраны в рецензии С.В. Хатунцева в: Отечественная история. 2007. № 10. С. 166-168.

¹⁰¹ М.М. Шевченко. Сергей Семенович Уваров // Против течения. С. 363.

¹⁰² А.Ю. Минаков. Предисловие // Против течения. С. 11. См. также: А.Ю. Минаков. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. С. 17.

в связи с этим и смену самой логики исторического исследования. Вместо «устаревшей» дихотомии «прогрессивное – регрессивное» применяется фактор «успешности» идеологического проекта. Авторы сборника показывают, что «консервативный проект» был вне конкуренции на российской ярмарке идеологий при Александре I и Николае I.

Так, например, М.Г. Альтшуллер пишет о том, что идеи адмирала А.С. Шишкова имели широкое хождение и влияние во время наполеоновского вторжения. Его пафосные манифесты, написанные от имени царя в 1812-1814 гг., сыграли решающую роль в идеологической борьбе с врагом, пробуждая патриотизм, уважение к прошлому России и негодование на иностранцев. В эту эпоху Шишков представлял собой глашатаем и одновременно интеллектуальным лидером Империи. Как настаивает автор, незадолго до войны «Беседа любителей русского слова», плод умственных и организационных усилий адмирала, привлекла практически всех «видных деятелей и талантливых писателей» Петербурга¹⁰³. Изыскания Шишкова в вопросах языкознания тоже не пропали даром, хотя их успех был менее заметным. Даже в области литературы, как утверждает М.Г. Альтшуллер, Шишков превозмог своих противников, «карамзинистов», выступавших за более легкий, разговорный язык, оснащенный галлицизмами. В конце концов, Карамзин отрекается от «легковесного» языка «Бедной Лизы» и пишет *Историю государства Российского* тяжеловесным слогом Шишкова. Даже Пушкин, высмеявший неуклюжие неологизмы Шишкова в «Евгении Онегине», усваивает торжественный стиль в своих поздних сочинениях.

Аналогичным образом, авторы прилагают много усилий, чтобы продемонстрировать выдающуюся роль А.С. Стурдзы в создании Священного Союза, или роль А.Н. Голицына в соединенном министерстве (министерство образования, объединенное с министерством по делам церкви), или достижения С.С. Уварова на посту министра образования при Николае I. Таким образом, читатель вполне убеждается, что вся история первой трети XIX века делалась консерваторами. Естественно, что авторы постарались обелить своих героев, «заклейменных» советской исторической наукой обскурантами, реакционерами и прислужниками деспотического режима. Точно так же А.Ю. Минаков берется развенчать «историографический миф» о разрушении Казанского университета инспектором Магницким, который *igni et ferro* насаждал там религиозный ригоризм и политический консерватизм. Автор показывает, что на самом деле большинство преподавателей выгнали не за вольнодумство, а за низкий академический уровень, престарелый возраст или алкоголизм, и только один, особенно закоренелый вольтерьянец И. Срезневский, действительно был уволен из-за политической неблагонадежности¹⁰⁴.

¹⁰³ Против течения. С. 55.

¹⁰⁴ Там же. С. 283.

Очень показательным в этом отношении поближе познакомиться со статьей про А. Аракчеева. Ее авторы, К.М. Ячменихин и Т.В. Соломенная, предприняли попытку оправдать этого государственного деятеля, которого традиционно считают солдафоном и создателем садистических военных поселений. Эссе продолжает линию ревизионистского взгляда на эту фигуру, столь популярную в последнее время¹⁰⁵, но в сборнике *Против течения* исследователи взяли только один аспект жизни Аракчеева, а именно его хозяйственные инициативы в имении Грузино под Новгородом. По их суждению, это поместье было образцом рыночно-ориентированного и высокоэффективного хозяйства с разумной организацией труда и рациональными предписаниями¹⁰⁶. Так, читатель узнает, что Аракчеев заботился о благосостоянии крестьян, их семейном быте и нравственности. И только изредка, как признают авторы, его распоряжения выходили за рамки здравого смысла, как, например, в случае запрета на содержание свиней, которые «роют землю» и «производят беспорядок»¹⁰⁷, что, конечно, не отрицает его заслуг перед Россией.

Однако, наиболее важные достижения сборника состоят не в пересмотре историографических приговоров, а в обозначении обширных пределов политического воображения консервативных лидеров в первой трети XIX века. Идеологическая литература этого периода дает богатый материал для понимания существенных свойств российского консерватизма в момент его зарождения из чувства *ressentiment*, как, видимо, предполагается концепцией сборника. Нет сомнений о том, что многие авторы статей осведомлены о современной литературе по вопросам национализма и национальной идентичности¹⁰⁸. По их представлению, консерватизм возник как реакция на угрозу идеологического статуса дворянства, которое, с одной стороны, было вполне вестернизированным, а с другой стороны, болезненно переживало отсталость своей страны от Запада. В момент вторжения Наполеона, это интеллектуально затруднительное состояние получило неожиданную разрядку. Появился консерватизм совсем особенного рода, с сильным уклоном в национализм, антизападничество и ксенофобию, собственно то, что нередко называется «русским консерватизмом»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ См., напр.: В.А. Томсинов. *Временщик* (А.А. Аракчеев). М., 1996; Т.Н. Кандаурова. *Гений зла: слово в защиту Аракчеева* // *Родина*. 2000. № 3. http://istrodina.com/rodina_articul.php?id=260&n=10. Последний раз сайт посещался 30.03.2008, а также многочисленные работы К.М. Ячменихина, такие как: К.М. Ячменихин. *Алексей Андреевич Аракчеев* // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 17-62.

¹⁰⁶ *Против течения*. С. 200.

¹⁰⁷ Там же. С. 210.

¹⁰⁸ О применении этих модных понятий в российской «академии» см.: J. Remy. *Russian Conservatism in Its International Context* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 135-143.

¹⁰⁹ Такова, например, версия А.Ю. Минакова. См.: *Против течения*. С. 10. Аналогичное понимание проблемы неоднократно выдвигалось в исторической литературе. См.: A. Martin. *The Invention of «Russianness» in the Late Eighteenth through Early Nineteenth Century* // *Ab Imperio*. 2003. № 3. P. 119-134; L. Greenfeld. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, MA, 1992. P. 215-223.

Наиболее убедительный очерк в этом ключе написан Т.А. Володиной. Она сосредоточилась на одном замечательном учебнике по русской истории, многократно опубликованном после 1812 г. С. Глинкой, журналистом и писателем, которого теперь часто причисляют к консервативным святым. В интерпретации автора, Глинка сознательно сконструировал, порой в ущерб истине, «прекрасный патриотический миф», вселяющий в русских чувства гордости за свою страну и счастья от принадлежности к этой общности¹¹⁰. К примеру, он убеждал читателей в том, что русские средневековые законы превосходили западных политические философские системы¹¹¹. Подобные утверждения очень сходны с лингвистическими открытиями Шишкова, предназначенными для того, чтобы показать превосходство, древность и широкую распространенность русского языка с незапамятных времен¹¹². Конечной целью таких фантазий было желание, может быть, неосознанное, утвердить уникальность и развитость России на фоне самоуверенной поступи Запада, порой с оружием в руках. Во всяком случае, как только генералы 1812 года вернулись домой из заграничного похода, общество вполне удовлетворилось амплуа «спасителей Европы» и перестало воспринимать ее как угрозу. Глинка и другие «консерваторы» снова превратились в заядлых почитателей всего французского, и «консервативный проект» с элементами национализма быстро выдохся, почти полностью сделавшись ко второй четверти XIX века государственной монополией¹¹³. Автор подчеркивает противоречивость консервативных деятелей этого периода, сознании которых национализм соседствовал с космополитизмом, а консерватизм с либерализмом¹¹⁴. Не говорит ли противоречивость полученных данных о необходимости подобрать иной, не «консервативный» контекст для анализа этих персонажей?

Поборники другого «консервативного проекта», религиозного, представлены в воронежском сборнике в лице А.Н. Голицына и А.С. Стурдзы. Весьма обстоятельная статья Р. Фаджионатто посвящена первой фигуре, прославленному мистиком эпохи Александра I. Автор соглашается с интерпретацией мистицизма этой поры, предложенной А. Мартином. По его мнению, этот российский клон немецкого Aufklärung был не реакционным, а, напротив, выражал настоятельное побуждение к обновлению¹¹⁵. Так, идеи Александра Голицына улавливали тенденцию к социальным реформам в духе возврата к культурным корням древнего христианства¹¹⁶. Толерантность к иноверцам была одним из наиболее удивительных

¹¹⁰ Против течения. С. 157.

¹¹¹ Там же. С. 161.

¹¹² Это подробно обсуждается в замечательном сочинении А. Мартина. См.: A. Martin. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb, 1997. P. 26 – 28. Статья М.Г. Альтшуллера о Шишкове, находящаяся в данном сборнике, отчего-то обходит эту тему стороной.

¹¹³ Против течения. С. 168.

¹¹⁴ Против течения. С. 167.

¹¹⁵ A. Martin. *Romantics, Reformers, Reactionaries*. P. 167-168.

¹¹⁶ Против течения. С. 228.

убеждений Голицына. Он покровительствовал старообрядцам в то время, когда сам с головой ушел в масонство. Столь же амбивалентной фигурой был Александр Стурдза, изображенный в очерке А. Мартина как реакционер и реформатор в одном лице. В изображении А. Мартина, Стурдза, главный идеолог ультра-реакционного Священного Союза, был в то же время прогрессивным политическим мыслителем, который настаивал на нерушимости гражданских прав и на создании консультативного представительного учреждения¹¹⁷. Однако, его окончательной целью была не либеральная конституция, а радикальное преобразование народов «в духе христианства», что сходно, например, с мечтаниями Сергея Уварова и целой когорты консервативных деятелей первой трети XIX века¹¹⁸. Эта противоречивость взглядов отражала, по мнению авторов, внутреннюю парадоксальность эпохи, вложившей принципы Просвещения и в основы европейских монархий, и в революционные движения¹¹⁹. Исследователь отмечал и другой парадокс. Именно государство выступало инициатором преобразований, поэтому консерваторам надо было отречься от истории последнего столетия, чтобы оставаться последовательными, а было бы вполне революционным актом¹²⁰.

Сборник статей неизбежно оставляет впечатление неровного и мозаичного, но довольно убедительного изложения истории зарождения российского консерватизма, который в зародыше содержал в себе принципы и противоречия более зрелой ступени развития. Однако, из-за отсутствия более широкого интеллектуального контекста статьи представляют собой скорее портретную галерею (порой напоминающую иконостас), а не «дискуссионный клуб» идеологов. Более обстоятельно следовало бы обосновать широкое хождение термина «национализм» в рассматриваемой книге. Наконец, сама идея авторов показать консерватизм *in statu nascendi* кажется сомнительной. Первая треть XIX века была скорее этапом, чем началом. Как бы мы ни назвали это явление, консерватизмом или «артикулированным традиционализмом», он возник в России как необходимость осмыслить глобальный разрыв с традицией начала XVIII века, то есть все же ранее 1812 г.

За пределами историографического ревизионизма лежат *Российские консерваторы* И.В. Лукоянова. Это очень сжатый и методологически выдержанный учебник для спецкурса по истории российского консерватизма, построенный на основе последовательно проведенного принципа историзма. В этом сочинении консерватизм понимается как идеологическое движение, поддерживающее статус-кво, но признающее неизбежность и желательность реформ, если только они проводятся ради все той же цели сохранения и укрепления существующего строя¹²¹. Такой подход позволил автору отсечь политических деятелей реакцион-

¹¹⁷ Против течения. С. 334.

¹¹⁸ Против течения. С. 332.

¹¹⁹ Там же. С. 308.

¹²⁰ А. Martin. *Romantics, Reformers, Reactionaries*. P. 3.

¹²¹ И. В. Лукоянов. Ук. соч. С. 4.

ного или «охранительного» толка, которые надеялись «подморозить» Россию любой ценой. Так что, рискуя быть подвергнутым остракизму со стороны «школы исследований по консерватизму», И.В. Лукоянов смело отказывается считать Н. Я. Данилевского, Леонтьева и Победоносцева консерваторами, равно как и других идеологов, для которых ценность стабильности была менее важна, чем заветы старины глубокой¹²². Такое ограничительное толкование консерватизма уже содержит в себе сущность авторского замысла, который заключается в том, чтобы понять, почему русские консерваторы не походили на британских тори.

Первое объяснение дается такое: история русского консерватизма была слишком короткой. Он появился в эпоху Великих реформ Александра II, когда у абстрактных политических идей появилась вполне конкретная социальная база – дворяне, разочарованные государственной политикой, не по всем направлениям отстаивавшей интересы «первого сословия». До 1861 г. можно было бы говорить об отдельных консерваторах или о консервативных идеях, которые никаких социальных интересов не выражали и принадлежали скорее к сфере политической философии, чем идеологии, но не о консерватизме как массовом идеологическом движении¹²³. Даже доктрина «официальной народности» не была полноценной идеологией, но в лучшем случае декларацией принципов. И это понятно: государство не позиционировало себя как представитель интересов какого-либо определенного социального слоя, а потому выражало свои политические идеалы в наиболее общем и смутном виде¹²⁴. То же самое относится к славянофилам, которые парадоксально совместили в себе черты либерализма и консерватизма. Автор замечает в этом контексте, что отсутствие социального «якоря» у той или иной идеологии делает ее постулаты утопичными. Мы бы в данном случае не согласились с такой «бытовой» трактовкой утопического. Скорее наоборот: наличие обширной социальной базы является необходимым компонентом утопии, если понимать ее как альтернативную картину мира, способную мобилизовать народ на социальные акции¹²⁵. Не случайно, кстати, аморфное российское общество оказалось неспособным к полновесной литературной утопии, за исключением (и очень показательным!) социалистических утопий.

Во-вторых, И.В. Лукоянов настаивает на том, что российский консерватизм очень быстро оказался политически бесплодным и апатичным, не способным консолидировать политическую партию и провести желательную для дворян программу. В *Российских консерваторах* предлагается такое объяснение. Самодержавие, скрупулезно отстаивающее свою монополию на принятие политических решений, отвергло наиболее лояльные попытки консерваторов разделить с

¹²² В этом месте у автора досадная ошибка, и, надо заметить, далеко не единственная в книге. Не Победоносцев Леонтьева, а Леонтьев Победоносцева называл «бездушной гробницей».

¹²³ И. В. Лукоянов. Ук. соч. С. 6, 11.

¹²⁴ Там же. С. 14.

¹²⁵ К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 165.

правительством ответственность в управлении государством¹²⁶. Более того, консерваторы были столь далеки от политической жизни, что они не осмеливались сформулировать и выдвинуть свои собственные интересы, отличные от интересов правящего аппарата. И.В. Лукоянов приводит в пример генерала Р.А. Фадеева, мыслителя славянофильских убеждений, который предлагал переосмыслить роль дворянства и перестроить его как «политическое сословие», но задачу эту он доверил государству¹²⁷. Влиятельный журналист М.Н. Катков олицетворяет в рассматриваемом учебнике другой крайний случай. Его издание *Московские ведомости* приобрело небывалый вес в правительственных кругах и в обществе России эпохи «Контрреформ», но Катков все же предпочитал позицию «серого кардинала», кулуарно консультирующего Александра III по всем значительным вопросам¹²⁸. Князь Мещерский разделил участь Каткова. Будучи талантливым публицистом, он тоже недооценивал значимость общественного мнения, и предавался по преимуществу придворным интригам. Не случайно, что единственный эксперимент в области «партийного строительства», а именно «Святая дружина», основанная в 1881 г. для помощи государству в борьбе с революционерами, была вскоре упразднена царским декретом, и, любопытно подчеркнуть, по настоянию другого консервативного деятеля, А.С. Суворина. Отталкиваясь от этих фактов, историк подходит к важному выводу о том, что незрелый русский консерватизм вскоре после своего рождения попал в затяжной кризис, от которого он не оправился до самой своей смерти. Лишенные общественной поддержки и, главное, не желающие ее завоевать, консерваторы больше рассчитывали на государственную поддержку в ущерб самой своей сущности как выразителя интересов поместного дворянства¹²⁹.

В-третьих, на рубеже веков консерватизм не произвел на свет последовательной и эффективной программы преобразований, за исключением неославянофильской. Можно согласиться с мнением автора о том, что наиболее «аутентичные» (то есть «тори-образные») консерваторы, такие как генерал А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Шарапов, лидеры «Русского собрания», были наследниками славянофильства. Стараясь сохранить «дух» российской политической традиции, они полностью признавали необходимость некоторых перемен, которые они желали задрапировать под архаичные институты Московской Руси. Однако, автор замечает, что разрыв между безусловным монархизмом неославянофилов и их готовностью к далеко идущим реформам делал их проекты непрактичными и малоизвестными для широкой публики¹³⁰. Так, Ф.Д. Самарин и А.А. Киреев вынашивали идею Земского собора, встроенного в систему уже существующих учреждений. Но эти предложения обществу казались слишком верноподданнически-

¹²⁶ И.В. Лукоянов. Ук. соч. С. 23.

¹²⁷ Там же. С. 25.

¹²⁸ Там же. С. 28-29.

¹²⁹ Там же. С. 43.

¹³⁰ Там же. С. 49.

ми, а государству – слишком радикальными, а в результате ни массовое мнение, ни правительство их не поддержали. Автор с удовольствием разносит в щепки «утопии» Шарапова, последователя И.С. Аксакова и плодовитого неославянофильского журналиста, создателя концепции «самодержавия и самоуправления», по которой царская власть должна была очиститься от бюрократических наслоений и опереться исключительно на сложную систему автономных и самоуправляющихся территориальных образований. И.В. Лукоянов подчеркивает, что подобная мешанина из осколков разных идеологий не могла иметь влияния на «реальную политику»¹³¹. Возможно, более разумным было бы воздержаться от такой оценки, поскольку Шарапов был, по крайней мере, одним из очень немногих консерваторов, кто делал ставку на глубокое реформирование режима и на поиски путей примирения старого и нового в политической практике¹³².

Наконец, в-четвертых, первые массовые политические партии российских правых игнорировали обширную теоретическую литературу консерваторов и полагались больше на сиюминутную тактику в Государственной думе и на упрощенные лозунги «для улицы», пробуждающие низменные инстинкты толпы. Соглашаясь с объемным трудом Д.А. Коцюбинского о русских националистах, И.В. Лукоянов показывает, что лидеры Всероссийского национального союза поддерживали хаотичные и противоречивые идеи¹³³. Что касается черносотенцев, то они, несмотря на широкую социальную базу и влияние в российском парламенте, не имели ясного понимания того, в каком направлении реформировать страну. Они много сделали в плане критики государственной политики и возбуждения ненависти в обществе к «инородцам» и революционерам, но их критицизм не был продуктивным¹³⁴.

Если воронежский сборник – это более или менее «история успеха» российского консерватизма, то *Русские консерваторы* подводят читателя к заключению, что история русского консерватизма – это история о том, как «консерватизм в России не стал настоящей идеологией». И главная причина лежит в слабости той социальной группы собственников, которые были бы заинтересованы в постепенном приспособлении сильной государственной власти ко все более и более сложному миру современности¹³⁵. Этот учебник, временами небрежно написанный, все же выделяется из общей массы сочинений по консерватизму своей чет-

¹³¹ Там же. С. 61-63. Автор ошибочно приписывает Шарапову идею о том, что каждый министр имеет «частицу царской власти». (Там же. С. 60). Неославянофил как раз наоборот выступал против такой трактовки, настаивая на неделимости и непередаваемости самодержавия. См.: С. Ф. Шарапов. Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 4, 9.

¹³² Тем более надо учесть, что после 1905 г. «главной проблемой было не дальнейшее реформирование, а интеграция новаций в старую систему». См.: G. W. Simmonds. The Congress of Representatives of the Nobles' Associations, 1906 – 1916: A Case Study of Russian conservatism / PhD dissertation; Columbia University, 1964. P. 234.

¹³³ Д. Коцюбинский. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001; И. В. Лукоянов. Ук. соч. С. 68.

¹³⁴ И. В. Лукоянов. Ук. соч. С. 70-71.

¹³⁵ Там же. С. 75.

кой логикой и отсутствием «сырых» описаний. И однако же *Русские консерваторы* тоже не являются искомым примером «интеллектуальной истории», гармоничным сочетанием «текста» и «контекста». Автор с несколько «советской» прямолинейностью объясняет, почему та или иная идея «не сработала», но ничего не говорит о том, почему она вообще появилась.

В заключение надо подчеркнуть, что в России возникла влиятельная и многочисленная гильдия исследователей по проблемам «консерватизма, традиционализма и правым идеологиями»¹³⁶. Но среди них нет единства в самом определении консерватизма. Некоторые из них применяют «ситуативный» подход, другие «автономный» или же колеблются между этими двумя. Например, А.В. Репников некогда поддерживал вторую концепцию консерватизма как стабильного набора идей и намеревался реконструировать его «идеальный тип»¹³⁷, а теперь скорее соглашается с первой интерпретацией, рассуждая, что содержание понятия «консерватизм» у разных эпох и народов разное¹³⁸. Есть и совсем странные высказывания о том, что консерватизм не обусловлен исторически, а является «выражением универсальной идеи... идеализированного средневековья»¹³⁹. «Патриарх» темы, Ричард Пайпс пишет, что российский консерватизм – это эпифеномен гипертрофированного государства и недоразвитого института частной собственности, избегая тем самым высказываться о самом содержании феномена¹⁴⁰. В результате, вопрос о том, кого считать консерватором, остается открытым. А.Х. Бенкендорф, Победоносцев, Пушкин, «стяжатели», Аракчеев, славянофилы, Б.Н. Чичерин, В.М. Пуришкевич, Н.А. Бердяев, – практически всё и вся собрано в пантеон российского консерватизма¹⁴¹. Этот список претендует на репрезентацию альтернативной, утопической картины российской истории, где нет места народным восстаниями и левым идеям. Практические выводы «школы исследователей консерватизма» в том, что «дискредитация» «красных» означает, что у России нет иного выбора, кроме «черного», или, как выразил один деятель «школы»: «Россия обречена на консерватизм!!! Наша задача помочь этому процессу»¹⁴². Ревизионистская историография российского консерватизма, отрекшаяся от «партийности», от решения вопроса о «прогрессивном и регрессивном», от критерия истины, наконец, теперь оперирует иным, «готическим» понятием «ус-

¹³⁶ Такое самоназвание встречается на сайте <http://www.conservatism.narod.ru/>, который является главным прибежищем и ресурсом рассматриваемой «школы».

¹³⁷ Забывая, впрочем, что «идеальный тип» – это гипотеза, а не результат исследования. См.: А.В. Репников. Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 201 – 202.

¹³⁸ «Ситуативный» и «автономный» подходы были сформулированы в очерке: S. Huntington. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. 51. No. 2. P. 454-473.

¹³⁹ Э.А. Попов. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. С. 18, 40.

¹⁴⁰ R. Pipes. Op. Cit. P. XII.

¹⁴¹ Список составлен в соответствии с портретной галереей упомянутого выше сайта. См.: <http://www.conservatism.narod.ru/thumbs/gallery.html> (Last time consulted: October 15, 2007).

¹⁴² Ю. Телегин. Вступительное слово // Консерватизм на Западе и в России. Пермь, 2005. С. 4.

пешности». Фактически все исследования «школы» одушевлены единым пафосным порывом: как сделать консерватизм «успешным»?

Быстро растущая «школа» располагает богатейшими материалами, но дает непропорционально мало для понимания ключевых проблем российской истории. Стремление ревизионистов сконструировать альтернативную историю России в соответствии с эволюцией консервативной мысли дает одностороннюю и неубедительную картину, будь то «история успеха» (как в сборнике А.Ю. Минакова) или «история краха» (как у И.В. Лукоянова). Наше понимание таково, что недостатки ревизионистской историографии заключаются в методологическом вакууме, «историческом фундаментализме», текстуализме и неадекватном понимании задач интеллектуальной истории. Но главная причина – это недостаток «историзма». «Консерватизм» подается как необходимый и достаточный объяснительный факт для исторического события, а тем самым не учитывается ни влияние конкурирующих идеологий, ни другие, более сильные исторические факторы (социально-экономические, например). Об этой внутренней ошибке ревизионизма свидетельствует увлечение «парадоксальностью». Взгляды консерваторов раскрываются через серию «противоречий» (реформизм и реакционность, лояльность и радикальность и т.п.), которые, по мнению, исследователей, объясняют «слабость» или «неуспешность» консерватизма. Но в данном случае «противоречивость» консерватизма является не диалектической, а парадоксальной, то есть подпадающей под закон исключенного третьего, а это свидетельствует о неадекватности применяемого метода анализа. Глубокое недоверие к «позитивизму» и критерию истины привело к вторжению в область истории политологического критерия «успешности», который плох еще и тем, что вносит в исследование телеологическое измерение, то есть невозможность определенно высказываться об «успешности» идеологического проекта пока не наступит конец света. И такая ревизия традиционных методов советской историографии воистину «парадоксально» сочетается с желанием писать традиционную метаисторию и применять традиционные понятия (консерватизм, либерализм), «переключив» их смысл с негативного на позитивный. Нам представляется, что эти признаки незрелости «школы исследований консерватизма» можно изжить, если вместо расширения круга рассматриваемых проблем и идеологов последовательно проводить концептуальное углубление, например, в «жанре» интеллектуальной биографии. Может быть, тщательный выбор методов и размышления над «ремеслом историка» приведут к появлению новых понятий, способных снять парадоксы и выявить более гармоничное сочетание «текста и контекста» в исследованиях.